

«МЫ ИЗГНАНЫ БЫЛИ ИЗ МОРЯ»

*Иван Александровский. Слепая волна.
Москва, Наш современник, 2023*

Если представить поэтическую книгу в качестве приглашительного билета от автора, то представлением, разыгрываемым перед читателем, станет микрокосм поэта: у кого-то удивительно детализированный и уточненный временем, пространством и историей, а у кого-то акварельно-сиюминутный, поражающий хрупкой красотой маленьких свершений.

Уникальный мир Ивана Александровского открывается перед нами на страницах поэтической книги «Слепая волна».

Мир, в который приглашает автор, проживает далеко не первую свою эпоху. Это мир зрелый и состоящий из множества тончайших деталей. В нем есть соленый океан и слезы вдов, мед и ртуть, ночные птицы и часы с кукушкой, чувственные объятия и холод оружия, личные победы и налоги, тишина ночи и звуки пастушьего рожка. Это четко выписанный мир с математической, выверенной структурой: улицы тянутся в проспекты, проспекты в загородные дороги, дороги к песчаному берегу. В каждом стихотворении ощущается личное присутствие поэта, даже среди неприметных и обыденных сюжетов:

Родились щенки на стройке
за вагончиком-столовой,
из восьми осталось трое:
чёрный, рыжий и соловый.

Если описание окраса двух первых щенков и было сделано обычными людьми, то «соловую» масть подметил уже поэт, устроитель мира. Незримое присутствие автора часто

встречается в книге «Слепая волна», и оно заключается иногда в одном-единственном слове, а иногда в перестановке слов в строках: «Цветут невидимые птицы// Поёт черёмуховый сад». Некоторые стихотворения кажутся абсолютно биографическими, в них лирический герой полностью сливается с автором:

Этот дом у реки
сторожат старики,
и дрожат огоньки в печке.
Этот дом над рекой
бережёт стариков,
как исток бережёт речку.

Автор буквально за руку подводит нас к этому дому и к окну, через которое мы видим этих стариков, греющихся возле печи. И в этот момент нет необходимости задавать вопросы о том, кто эти старики и где их родственники. Читатель чувствует, что создатель этого мира приглядит за ними, позаботится. Но времени стоять возле этого дома нет, автор ведет нас дальше, показывая все новые и новые истории, происходящие в его мире. И вот мы уже уходим из дома у реки и оказываемся на вокзале, где прощается семья:

В небе фуражка, как синяя птица.
Папа на сына украдкой косится.
Сын постарается, сын не уронит.
Дар драгоценный удержит в ладонях.

Мы можем не переживать за эту семью, мы знаем, что за ними присмотрят и сын не уронит фуражку. Такие сцены выглядят очень личными и, как указано в предисловии к «Слепой волне», обращенными внутрь себя. Читатель, словно замороженный факиром, ходит от стихотворения к стихотворению, от истории к истории, проживая все эти события, пропуская через себя, то становясь участником свадьбы:

И шумел народ, и раздавалась,
И по главной улице текла
Гордая процессия, казалось,
Что вся жизнь лишь только нас ждала,

то очевидцем похорон:

Прилетел на кладбище —
Все уже ушли.
Ель сложила лапищи
На груди земли.

Истории, которые рассказывает автор, разнообразные, но больше печальные. Иногда читателя подпускают очень близко, вызывая некоторое смущение в тех ситуациях, где третий явно лишний:

Расставанья на веру принимая с тобой,
Мы, как дети в пещеру, в парк вошли городской.
В темноте у обрыва разойдутся следы.
До чего же красиво улыбаешься ты!

Этот фрагмент однозначно толкуется как расставание, поскольку с этого начинается поэтическая строфа, которая далее поддерживается метафорой «расходящихся следов». В этот момент двум героям стихотворения не нужна пара дополнительных глаз.

По-подростковому смешон,
я, от виденья камня,
на этот бархат, этот шёлк
глядел, притронуться не смея.

Здесь у читателя формируется то самое невольное ощущение подсматривания. Но, с другой стороны, создатель мира решил быть абсолютно честным со своими гостями, поэтому он беззастенчиво показывает нам абсолютно все, что считает важным и существенным.

Мир, представленный Иваном Александровским в «Слепой волне», максимально походит на реальность, поскольку он не идеален. В нем погибают люди, происходят войны, болеют дети и перестают любить друг друга мужчины и женщины. Вероятно, поэтому этот мир не вызывает отторжения своей надуманностью. В книге нет приукрашивания реальности, в ней черное называется черным. Многие стихотворения похожи на припоминания из детства и отрочества. Например, «На голубом пороге океана», «Густая патока востока», «Я шагаю по району», «Один в расцвете сил уйдет» и другие.

С точки зрения эволюции, жизнь на земле зародилась в океане. И основные этапы развития жизни связаны с постепенным отдалением человекоподобных существ от воды. Авторский мир, описанный в данном поэтическом сборнике — это попытка уйти из городов ближе к воде (реке, морю, океану). Эта идея косвенным образом поддерживается разными отсылками в стихах: «кипит песок вокруг моих ступней», «упорна слепая волна», «повсюду видится мне море», «с дальнего берега тёмной реки», «море качает в стальной колыбели», «и я очнусь на берегу». Возможно, это предложение автора «сбавить обороты» и попытаться вдохнуть в себя вместе с морской свежестью те драгоценные мгновенья спокойствия и тихого человеческого счастья, которые так редко попадаются нам на жизненном пути.

Антон Зверев